

И.В. ДОРОГАНЬ
(Днепропетровск)

**ДВОРЯНСКАЯ СЕМЬЯ
КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО
(ПО «ДНЕВНИКУ» МАРИИ БАШКИРЦЕВОЙ)**

Заявленная тема – слагаемое специфики женского образования и женского вопроса в целом для XIX века. Ее исследование предполагает анализ дневниковых записей известной художницы и писательницы Марии Башкирцевой (1860-1884) [1]. До недавнего времени ее имя на родине – в Украине и России – было известно преимущественно в среде искусствоведов. Франция, в которой Башкирцева прожила большую часть своей жизни, где публикация ее дневников стала настоящей сенсацией, всегда была более последовательной в осмыслении ее наследия. «Феномен Башкирцевой» для французской критики был и остается объектом пристального внимания в различных ракурсах. Едва ли не ключевым в исследованиях является вопрос так называемой «цензурной чистки» дневника, в результате чего уже была озвучена мысль о «колоссальной духовной подделке» [2, с. 318], о «мифе Башкирцевой» [3, с. 182] – настолько, по мнению французской критики, образ автора после цензурных выхолащиваний был удален от правды.

Безусловно, этот вопрос требует тщательного текстологического исследования. И все же, представляется, что процесс мифологизации коснулся бы личности Марии Башкирцевой независимо от действий цензуры, поскольку он характерен для культуры во все времена, а к концу XIX века особенно. Например, Ш.Бодлер был явлен для современников несколькими мифами и в этой ипостаси интересен, но не жизненными реалиями, как и О.Уайльд. И это не могло не коснуться Марии Башкирцевой как личности, которая за столь короткий жизненный путь проявила себя многогранно, ярко, талантливо, что в обыденном сознании можно было упорядочить лишь с помощью мифа. Тем более, что появление таких личностей имеет все же историческое обоснование. Известный французский культуролог Анни Латур подчеркнула: «Всякий раз, когда в какой-либо стране зарождалась новая культурная эпоха, когда у руля становилась новая ду-

ховная элита, в ней находились незаурядные женщины, которые перебрасывали мост между интуитивным и конструктивным, между инстинктом и духовным синтезом» [4, с. 6]. Это имеет прямое отношение и к М. Башкирцевой, сыгравшей огромную роль в развитии французской культуры, хотя ее дневник был опубликован уже по-смертно. Это был исторический миг рождения новой культурной эпохи – 1880-е годы, с их эстетикой декаданса, а затем символизма, с крушением и пересмотром многих духовных ценностей. «Светское общение как основной элемент, образующий стиль жизни, в девятнадцатом веке был постепенно утерян. Исчезло искусство светской беседы, и вместе с ним – исчез салон как центр творческих дискуссий. Понятие “дама” осталось в прошлом, дама превратилась в женщину» [4, с. 6].

Мария Башкирцева привлекла внимание французского общества тем, что явила собой фигуру переходного времени, сумевшую мастерски сохранить в себе лучшие традиции дворянской культуры как воплощение русско-французского синтеза с мощным творческим потенциалом, который позволял ей формировать новые модели человеческого и творческого поведения. Прежде всего это проявилось на образовательном уровне. Девочка-подросток, дворянка из Полтавы, оказавшаяся во Франции волею судеб, принявшая французскую среду как близкую, родственную, в дневниковых записях продемонстрировала высокий уровень русской дворянской домашней образовательной культуры, приумноженный незаурядной природной одаренностью. Как отмечают культурологи, за время правления Луи-Филиппа «смысл понятия “свет” решительно меняется» – «главным критерием светскости становится роскошь», «залогом светскости становится известность» (знатность, артистический талант, «умение завязывать галстук и носить трость»), а также «миссия культурная» – «смягчение нравов» [5, с. 8]. Дневниковые записи Башкирцевой как представительницы русской дворянской культуры, с одной стороны, и уже «не дамы, а женщины», воплотившей в себе переходные черты времени, во многом типологичны с тем, как менялась «парижская жизнь», но с той разницей, что в сфере изменения моделей поведения, нравов, моды она демонстрировала несколько смягченный, «бархатный» вариант перехода. Решительность проявилась в определении цели жизни – получить высшее образование, войти в миро-

вую творческую элиту. В дневниковых записях жизненный уклад семьи, глубокий самоанализ душевных состояний, стремление к образованию предстают в целостности, последовательности, логичности изложения истории жизни, где статус событийности приобретает каждый шаг, но особенно формы образования.

Ю.Лотман, изучая уклад жизни русского дворянства, выделил вопрос об особенностях женского образования в XVIII – начале XIX века, отмечая при этом, что «фактически весь [XIX] век был отмечен борьбой женщины за то, чтобы завоевать право на место в культуре, не потерять право быть женщиной» [6, с. 247]. Ю.Лотман рассмотрел систему женского образования и особо выделил Смольный институт, который был «задуман как учебное заведение с очень широкой программой». Но многое из задуманного не сбылось. К тому же обучение «смолянок» длилось девять лет (с пяти-шестилетнего возраста) с ориентацией не столько на получение образования, сколько на изоляцию от семьи: «в основу обучения клался принцип замкнутости» [6, с. 252]. По замыслу, изоляция «смолянок» от «испорченной среды их родителей» должна была бы способствовать формированию «идеальных людей» по просветительской модели [6, с. 252]. Но и этому не суждено было сбыться – «из смолянок делали придворные игрушки», фрейлин, воспитательниц, а то и приживалок. Тем не менее модель «дамского “модного” поведения» смолянок с присущей ему «институтской чувствительностью», «сентиментальной неподготовленностью к жизни», «невинностью», «повышенной экзальтацией» [6, с. 261] культивировалась в обществе. Хотя, как известно, со временем эта модель поведения вызвала иронию и отторжение.

Вместе с тем Ю.Лотман подчеркнул: «Чувства принадлежат не только природе, но и культуре» [6, с. 261], отмечая, что дворянская женщина соединяла в себе два воспитания: сочетание дворянской и народной культуры представлено великолепными женскими типами – Татьяной («Евгений Онегин» А.Пушкина) и Натальей («Война и мир» Л.Толстого).

В этой связи особенное внимание привлекают дневниковые записи М.Башкирцевой, раскрывающие особенности домашнего образования. Подробно описывая дворянские истоки семьи, свою принадлежность к старинному дворянскому роду, она определяет жизнь

своих ближайших предков, в частности, деда по линии матери, не хронологически, а через знаковые личности: «Дедушка был современником Пушкина, Лермонтова и др. Он был поклонник Байрона, человек образованный, поэт» [1, с. 8]. Эту запись Башкирцева характеризует как «нечто вроде предисловия», представляющего собственно дневниковые записи уже незадолго до смерти. Обозначив свой дневник как «литературный и человеческий памятник», она сочла необходимым выделить в качестве ключевого аспекта жизни свое образование, объем знаний, полученный изначально в семье, продуцируемый уважительным отношением к высокообразованным предкам, к творческим личностям и через них – к романтической эпохе в целом. В незначительном по объему предисловии, спустя годы, Башкирцева возвращается к истории своего образования, подчеркивая, что «это главное», и характеризуя его в контексте русских традиций: «По обычаю дворянских семей, живущих в деревне, у меня было две гувернантки, одна русская, другая француженка» [1, с. 9]. Но далее речь идет не столько о домашнем образовании и воспитании, о судьбах и приключениях гувернанток, что тоже было, традиционно, частью жизни всех домочадцев, придавая особую романтическую атмосферу бытию, и как бы провоцируя неожиданные повороты в судьбах. Башкирцева упоминает лишь об уроках рисования как о том, что определило ее дальнейшую судьбу. Хотя стиль изложения, выразившийся в глубоких самохарактеристиках, своеобразных портретных зарисовках близких, в тонком видении особенностей домашнего уклада, свидетельствует о высокой образовательной культуре русской дворянки, в которой собственно образование дополняется не только одаренностью к рисованию, но и к литературному творчеству. Именно уровень образования способствовал динамичному усвоению новых культурных установок. С одной стороны, разрушение образовательных канонов и моделей поведения, как и в России, происходило изначально в пределах семьи, о чем свидетельствуют записи, сделанные в возрасте двенадцати-тринадцати лет, с другой – образ жизни семьи произвольно менялся, становился более открытым, подчиняясь европейским нововведениям. Хотя Башкирцевой при этом удавалось сохранить верность своему дворянскому происхождению, его высокой культуре, независимо от озвученных мыслей о вырождении дворянства, о формировании снисхо-

дительно-иронического к нему отношения, воплощенного в классике: «И я могу быть принята в свет, потому что я не буду знаменитостью, вышедшей из табачной лавки или грязной улицы. Я благородного происхождения, я не имею необходимости что-нибудь делать, мои средства позволяют мне это, и, следовательно, мне будет еще легче возвыситься» [1, с. 15]. Такое сочетание культурных традиций и новаций было особенностью духовного бытия Башкирцевой. Даже в 1880-е годы сознание Башкирцевой сохраняло как традицию в модели своего поведения сочетание домашнего воспитания и Смольного института, что отмечено в предисловии: «В Бадене я впервые познала, что такое свет и манеры, и испытала все муки тщеславия» [1, с. 9].

Вместе с тем записи Башкирцевой свидетельствуют о постепенном не столько разрушении канонов домашнего образования, сколько осознании его как определенного этапа на пути человеческого и творческого становления, что было определено как обесцениванием дворянского уклада жизни, так и особенностями жизни семьи Башкирцевой. Она сохраняла прошлое в глубинах сознания, всегда помня о том, что полученные ею знания и навыки в кругу семьи были основанием для ее взлета. Знакомство с иным миром, проживание в крупнейших западноевропейских культурных центрах, встречи с известными, значительными личностями способствовали изменениям в сознании, столь рано сформировавшемся. Заграница изменила уклад жизни семьи в целом, подчинив его строгом запросам Марии – в ее записях о собственно образовании, об уроках говорится вскользь, они уходят на второй план, утрачивая качество необходимости. В двенадцать лет Башкирцева ставит перед собой иные цели: посещать уроки рисования, вокала, английского языка. Все происходит на фоне первой глубокой влюбленности. Ее избранник – герцог Г., и свое будущее она видит либо в качестве герцогини Г., либо «быть знаменитой актрисой», что было уже результатом разрушения канонов французской светской жизни, когда «герцогини и актрисы постепенно уравнивались в правах» [5, с. 8]. В дневниковых записях подробно изложена предубежденность к этим новым веяниям. Ее сознание изначально балансирует на грани неприятия / восприятия новаций в образе жизни. Иногда дворянское воспитание и образование доминирует: «Я предпочитаю быть великосветской женщиной,

герцогиней в этом обществе, чем считаться первой среди мировых знаменитостей, потому что это – совсем другой мир» [1, с. 20].

И все же со временем она отказывается от мысли стать женой герцога, подчиняя себя не мечте, а цели – войти в этот «другой мир». Поэтому уроки творчества вытесняют значимость традиционных домашних уроков, которые выполнили свое предназначение – дали столь высокое образование в домашнем кругу, что в тринадцать лет девочка-подросток не столько предавалась романтическим мечтам, сколько ставила перед собой образовательные и жизненные цели, цenia каждое мгновение жизни, – раздражали даже опоздания учительницы английского языка: «Мне тринадцать лет; если я буду терять время, что же из меня выйдет!.. В шестнадцать, семнадцать лет придут другие мысли, а теперь-то и время учиться. Какое счастье, что я не принадлежу к тем девочкам, которые воспитываются в монастыре и, выходя оттуда, бросаются, как сумасшедшие, в круговорот удовольствий, верят всему, что им говорят модные фаты, а через два месяца уже чувствуют себя разочарованными, обманутыми во всех своих ожиданиях» [1, с. 21]. Таким образом, Мария Башкирцева уходит от традиций русского домашнего образования (но не предаёт их забвению), как не приемлет для себя и европейского монастырского воспитания и образования, не отвечающих порывам ее творческой природы, что могло сдерживать свободу ее выбора. Характерно то, что это уже разрыв не только с особенностями образования, но и с семейным укладом. Башкирцева, мечтавшая о замужестве, тяготится узами во многом патриархальной собственной семьи, несколько подавлявшей ее поиски, порывы. В шестнадцать лет она приходит к мысли о необходимости пересмотра роли семейных ценностей в своей судьбе. В вопросах собственному «Я» ощущается скрытый, но эмоциональный диалог с толстовской «мыслью семейной»: «Разве тот, кто довольствуется скромной жизнью в кругу семьи, может быть назван человеком скромным, умеренным в своих желаниях из добродетели, из убеждения, из мудрости? Нет, нет, нет! Он таков поэтому, что счастлив этим, для него жить в неизвестности есть высшее счастье. И если он не желает известности, то только потому, что, имея ее, он был бы несчастен» [1, с. 122]. «Мысль семейная» в модели Башкирцевой обостряется до крайнего предела по мере осознания огромных «внутренних ресурсов», которые проявляются,

как отмечается в дневнике, в том, что «я читаю, пою, рисую, мечтаю, но и чувствую беспокойство и грусть» [1, с. 126]. Последнее обусловлено для Башкирцевой чувством метафизического страха, т. е. открывшейся перед ней пропастью семейного быта, которая могла бы поглотить ее творческую душу: «Неужели моя бедная молодая жизнь ограничится столовой и домашними сплетнями. Женщина живет от шестнадцати до сорока лет. Я дрожу при мысли, что могу потерять хоть месяц моей жизни» [1, с. 126]. По уже сложившейся для себя традиции, в кризисных ситуациях Башкирцева возвращается в прошлое, раскрывая содержание домашнего образования и несовместимость образовательного характера со своей семьей: «Я имею понятие обо всем, но изучала глубже только историю, литературу и физику, чтобы быть в состоянии читать все-все, что интересно. А все интересное возбуждает во мне настоящую лихорадку.

Ни одной живой души, с которой можно было бы обменяться словом. Одна семья не удовлетворяет шестнадцатилетнее существо, особенно такое существо, как я» [1, с. 126]. В характеристиках, которые она дает самым близким людям, – «дедушка человек образованный, но старый, слепой и раздражающий...»; «у мамы много ума, но мало образования, никакого умения жить, отсутствие такта...»; «тетя немного более развита» – просматривается не усталость, раздражение или несогласие, но нарастающая отчужденность (новое, доселе неведомое ей качество характера), которая с течением времени проявилась в откровенных записях: «За обедом у нас, как почти ежедневно, много народу. Я прислушиваюсь к разговорам и говорю себе, что вот ведь все эти люди только и делают всю свою жизнь, что говорят глупости» [1, с. 385]. Время, когда встреча с домочадцами за обеденным столом доставляла радость именно от общения, безвозвратно ушло в прошлое.

Но что могло заменить отчужденность в семье? Для женщины 1880-х годов, уже «не дамы», с огромным творческим потенциалом, с весьма честолюбивыми планами – войти в артистические и художественные круги, – был лишь один выход – оставить семью. Но Башкирцева не могла этого сделать и по состоянию здоровья, и по причине сильной привязанности к самым близким людям, о чем свидетельствуют записи о смерти дедушки. В этой ситуации Башкирцеву поражает сохранившаяся в ней чувственность. А удивляться

было чему, поскольку Башкирцева кардинально меняла, «лепила» из себя женщину новой культурной эпохи. Она много путешествовала по городам Франции, впитывая в сознание особенности городского бытия и быта. Но городом ее мечты остается Париж: «Боже мой! Какая мысль тревожит меня? Париж, да, Париж! Центр ума, славы! Центр всего – Париж! Свет и тщеславие! Голова кружится.

Боже мой! Дай мне такую жизнь, какую я хочу, или пошли мне смерть...» [1, с. 131]. Мечта об избраннике, семье сменяется целью покорить Париж своим искусством. Башкирцева пытается понять, постичь Мировой Город, а поэтому посещает не светские салоны, а творческие мастерские, гуляет улицами и переулками Парижа: «Была в квартале Ecole de Medecine, искала различные книги... Я в восторге; улицы были полны студентами, выходящими из разных школ: эти узкие улицы, эти инструментальные лавки, одним словом, все... А! черт возьми, я поняла обаяние Латинского квартала»; «рассказывайте мне больше о Латинском квартале: на нем я примиряюсь с Парижем» [1, с. 243]. Постигая Париж, она меняется и становится более целеустремленной, хотя «оболочка чертовски женственная» [1, с. 243], меняется модель поведения и мода в одежде – «я обожаю бывать у книгопродавцев и у людей, которые принимают меня благодаря моему скромному костюму за какую-нибудь Бреслау; они смотрят на меня с какой-то особой благосклонностью» [1, с. 243]. Она дифференцирует Париж на чужой и свой. С одной стороны, «люди светские, иначе говоря, люди буржуазные», с другой – «наши», т. е. творческая богема, в которую входят люди разных сословий, но их объединяет то, что они урбанисты, порождение городской культуры. Их «повседневная жизнь» проходит на улицах Парижа, в кафе, в творческих мастерских, на выставках, отмечает французский искусствовед Ж.-П.Креспель [7, с. 7]. Башкирцева приняла этот образ жизни, превратившись в человека городской культуры, и тем самым достигла своей цели – покорила «весь Париж».

ЛИТЕРАТУРА

1. Анализ осуществляется не по более полным парижским изданиям, а по сокращенному (*Башкирцева Мария. Дневник.* – М.: Захаров, 2000. – 446 с.), распространенному среди украино- и русскоязычных читателей. Цитируем по этому изданию.

2. *Cosnier C.* Marie Bashkirtseff, un portrait sans refouches. – Paris, 1984. – 420 p.
3. *Шартье М.-Э.* «Дневник» Марии Башкирцевой как объект цензуры // Автобиографическая практика в России и во Франции. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – С. 182-199.
4. *Латур А.* Дама в истории культуры. – М.: Аграф, 2002. – 240 с.
5. *Мартен-Фюжье А.* Элегантная жизнь, или Как возник «весь Париж», 1815-1848. – М.: Издательство имени Сабашниковых, 1998. – 480 с.
6. *Лотман Ю.М.* Женское образование в XVIII – начале XIX века // Из истории русской культуры. – Т. IV. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 247-264.
7. *Креспель Ж.-П.* Повседневная жизнь импрессионистов. 1863-1883. – М.: Молодая гвардия, 1999. – 301 с.